

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.116-125

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ГОРТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (VII – V века до н. э.)

А.А. Почернина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрено положение женщин в гортинском обществе в период с VII по V в. до н. э. В последнее время обозначенный вопрос вызывает особый интерес в связи с развитием в исторических работах гендерного подхода. Исследование основывается на анализе гортинских законов, которые дают возможность в определенной мере изучить вопрос о положении женщин в обществе Гортины. Существует гипотеза, что на Крите в целом и в Гортине в частности женщины обладали расширенными правами и по этой причине критское общество считается матриархальным. Однако в результате рассмотрения статей гортинских законов, касающихся семейно-имущественных правоотношений, такая характеристика критского и гортинского обществ периода VI – V вв. до н. э. не представляется допустимой. Выявлены отличия между правами женщин и мужчин в гортинском обществе, определены их возможные изменения с течением времени. Отражена история изучения и гортинских законов в целом, и вопроса о положении женщин в гортинском обществе в VII – V вв. до н. э. в частности.

Ключевые слова: Крит, Гортина, античное право, архаические законы, гортинские законы, античное общество, социальная структура, античное семейное право, античное имущественное право

Одним из главных источников в исследовании социально-экономической структуры древнего Крита в целом и Гортины в частности являются гортинские законы, которые открыл итальянский ученый Ф. Хальбхерр (F. Halbherr) [1, с. 86] в конце XIX в. Гортинские законы до сих пор представляют собой древнейший сохранившийся и наиболее завершённый источник древнегреческого права.

Интерес к изучению гортинских законов не угасает до сих пор. С конца XIX в. началось формирование основных направлений исследований в данной сфере. В первую очередь появились переводы гортинских законов и работы описательного характера, к которым можно отнести труды Ф. Хальбхерра [2], Ф. Бернхейфта [3] и С.В. Мирошникова [4]. Затем до второй половины XX в. в исследованиях гортинских законов не рассматривались специальные проблемы, и сам

источник в работах историков изучался эпизодически. Со второй половины XX в., после публикации фундаментального труда М. Гуардуччи [5], начинает формироваться марксистское направление исследований, представленное в первую очередь работами Р.Ф. Уиллеттса [6; 7] и Л.Н. Казамановой [8], в которых авторы рассматривают социально-экономическую структуру критского и гортинского обществ.

Следующую группу представляют исследователи, применяющие историко-правовой подход. К ней относятся прежде всего М. Гагарин [9; 10] и К.Р. Кристенсен [11], которые изучают структуру законодательных актов и кодификацию, а также пытаются проследить развитие законотворческого процесса.

И, наконец, сравнительно новое направление формируют работы ученых, применяющих гендерный подход в изучении гортинских законов. В трудах А. Скафуро [12], А. Брессона [13], М. Ляжюнесса [14] и С. Линка [15] рассматриваются вопросы о положении женщин в гортинском обществе: о том, действительно ли они имели особый статус, отличный от положения женщин в античном мире в целом, и были ли они свободны в той степени, чтобы можно было говорить о матриархальном обществе Гортины и Крита.

Обозначенные вопросы остаются актуальными и сегодня. Но прежде чем приступить к их рассмотрению, следует обратиться к социальной структуре гортинского общества в целом, поскольку положение женщин в обществе определялось не только гендерной принадлежностью, но и социальными характеристиками. Согласно гортинским законам, гортинское общество было разделено прежде всего на лично свободных и лично зависимых.

Социальный слой лично свободных был представлен полноправными свободными гражданами, которые обозначались термином *ἐλευθέροι*. Кроме граждан в этот социальный слой входили и лично свободные без гражданских прав – *ἀλειτουργοί* [7].

Свободные полноправные граждане входили в гетерию, пользовались привилегиями граждан и могли принимать участие во всех сферах жизнедеятельности полиса. Кроме того, в гортинских законах четко прослеживается уникальное право граждан вступать в брачные союзы с представителями лично зависимых социальных групп. Таким образом, помимо прочих привилегий, граждане, по сути, могли даровать свободу путем заключения брака. Однако такая возможность была дана только свободным полноправным женщинам. Свободные полноправные мужчины также могли даровать свободу, но путем усыновления, причем таким правом обладали только мужчины. Тем не менее, несмотря на факт существования браков между гражданами и негражданами, социальный слой свободных полноправных граждан был весьма ограниченным, поскольку получить статус *ἐλευθέροι* было возможно чаще всего только по праву рождения от брака между такими же свободными полноправными гражданами.

К слою лично свободных относились и так называемые *ἀλειτουργοί*. Представляется, что этот термин носил обобщающий характер и использовался для определения тех, кто был лично свободен, но не входил в гетерию, то есть не имел гражданских прав. В гортинских законах содержится довольно мало упоминаний об апетайрах, вследствие чего возникают некоторые сложности с определением социального состава этого слоя. Однако не вызывает сомнений принадлежность

критских перизков к ἀλεταίροϊ, что, в свою очередь, указывает на то, что апетайры, несмотря на свою личную свободу, могли быть зависимы коллективно, вероятно, как социальный слой в целом. Можно сказать, что они по своему статусу находились между полноправными гражданами и представителями лично зависимых групп гортинского общества. Согласно гортинским законам, апетайры были более привилегированными, чем войкеи или рабы, но вместе с тем находились значительно ниже полноправных свободных граждан.

Лично зависимое население определяется в источниках как δόλοϊ (рабы) и φοικεοϊ (войкеи). Оба термина использовались для обозначения тех, кто не имел личной свободы и, разумеется, не входил в гетерию. Тем не менее, несмотря на очевидные сходства, правовые возможности войкеев и рабов существенно отличались.

Обозначенные социальные группы могли владеть собственным имуществом, но рабы могли иметь только движимое имущество, в отличие от войкеев, которые, согласно законам, в некоторых случаях могли получить во владение от своего хозяина или усыновителя недвижимое имущество. Войкеи и рабы отличались не только в правовом отношении, но и в отношении обязанностей. Войкеи жили на специально отведенной полисной земле и обязаны были ее обрабатывать, хотя и не владели ей, а рабы являлись, скорее, купленными домашними слугами. Таким образом, войкеи были привязаны к недвижимому имуществу – земле, а рабы же, по сути, сами являлись движимым имуществом [10, р. 30].

Что же касается положения женщин в гортинском обществе, следует отметить, что данный вопрос наиболее четко выражен в статьях гортинских законов, затрагивающих семейно-имущественные правоотношения. Здесь прежде всего необходимо отметить, что в Гортине, как и в античном мире в целом, существовало четкое разделение имущества на то, которое принадлежало матери (ματρώϊα), и то, которое принадлежало отцу (πατρώϊα). Подтверждение такому разделению имущества мы можем видеть в актах гортинских законов, касающихся, например, долгов (ГЗ, р. 49)¹. Под четким разделением имущества следует понимать то, что ματρώϊα и πατρώϊα никогда не пересекались. Материнское имущество могло находиться в полном распоряжении только матери, а имущество отца – в распоряжении отца. Данное обстоятельство представляется крайне важным, особенно в вопросах наследования и распределения имущества.

Объединение ματρώϊα и πατρώϊα было возможным только в момент передачи в наследство законным наследникам. Определяющим критерием при разделе имущества отца и матери между детьми выступала гендерная принадлежность: наследники мужского пола находились в более приоритетном положении в момент раздела имущества – им доставалась большая доля в сравнении с наследниками женского пола. Имущество отца и матери обычно делилось поровну между сыновьями, а дочери получали меньшую часть имущества – одну треть – от того, что унаследовали их братья (ГЗ, р. 42)².

¹ «...[τ]ῆ(θ)θαὶ δὲ ὑπὲρ μ[ε]ν τὸ [πα]τρὸς τὰ πατρώϊα, ὑπὲρ(δ) δὲ τὰς ματρὸς τὰ ματρώϊα» – «...отцовская собственность должна быть возложена за долги отца, а материнская – за долги матери». Здесь и далее в цитатах перевод наш. – А. П.

² «...ἔ δὲ κ' ἀποθάνῃ τι(ς), στέγανς μὲν τὰς ἐν πόλι κἄτι κ' ἐν ταῖ(ς) στέγαις ἐνῆϊ, αἷς κα μὲ φοικεὺς ἐνφοικῆ ἐπὶ κόραι φοικίον, καὶ τὰ πρόβατα καὶ καρτα[ι]ποδα, ἃ κα μὲ φοικέος εἶ, ἐπὶ τοῖς υἰάσι ἔμεν, τὰ δ' ἄλλα κρέματα πάντα δατεῖσθαι καλῶς, καὶ λανκάνεν τὸς μὲν υἰόν, ὁπόττοι κ' ἴοντι δύο μοίρανς ῥέκαστον, τὰ δὲ θυγατέρανς,

Таким образом, факт четкого разделения собственности на материнскую и отцовскую спровоцировал возникновение нескольких основных направлений изучения положения женщин в гортинском обществе. В первую очередь необходимо выделить проблему определения статуса дочерей-наследниц, которая остается дискуссионной и сегодня.

Гортинские законы отражают весьма высокий уровень разработанности законодательных актов, касающихся семейно-имущественных отношений, исходя из которых мы видим, что дочерям-наследницам в гортинском обществе уделялось довольно большое внимание. Существует мнение, что женщины, имеющие статус дочерей-наследниц, отличались правовым статусом и расширенными имущественными правами. Наследницами – *πατροῖόκοι* – назывались дочери, которые остались без отца (в случае его смерти) или не имели единокровных братьев от отца (ГЗ, р. 46)³. Иными словами, *πατροῖόκοι* – это те дочери, которые наследовали все имущество отца (*πατροῖα*) полностью, без распределения этого имущества между ближайшими родственниками.

Довольно популярным остается мнение о том, что не только дочери-наследницы имели более привилегированное положение, но и женщины в целом. С данной точкой зрения сложно не согласиться, поскольку женщины в Гортине в любом случае наследовали какую-то часть имущества, пусть даже и меньшую в сравнении с братьями.

Вопрос о том, насколько положение дочерей-наследниц отличалось от положения женщин, не обладавших таким статусом, также представляется довольно важным. Дочерям-наследницам в Гортине, как и всем женщинам, разрешалось выходить замуж с двенадцати лет (ГЗ, р. 50)⁴. В законах мы можем заметить положения, в которых отмечается, что дочери-наследницы не могли распоряжаться своим имуществом до замужества [ГЗ, р. 50]⁵. Кроме того, дочерям-наследницам полагалось выходить замуж за родственников, а именно за братьев своих отцов; в случае наличия нескольких братьев отца или нескольких наследниц брачные союзы определялись возрастным критерием (ГЗ, р. 45)⁶.

Таким образом, гипотеза о расширенных правах дочерей-наследниц в Гортине в сравнении с остальными женщинами не представляется доказанной в полной мере. Исходя из ранее указанных статей гортинских законов, мы видим, что положение дочерей-наследниц приобретало привилегированный характер только

ὀλοῦται κ' ἴοντι μίαν μοῖραν ρεκάσταν» — «...и в случае смерти (отца), городские дома и все, что в этих домах, в которых не живет войкей, и крупный и мелкий рогатый скот, который не принадлежит войкею, должен принадлежать сыновьям, но все остальное имущество должно быть разделено и сыновья должны принять две части, в то время как дочери должны принять одну часть».

³ «Πατροῖόκον δ' ἔμεν, αἱ κα πατέρ με εἰ εἴ ἀδελφός ἐς τὸ αὐ[τῷ] πατρός» – «Наследница – это та, у которой нет отца или брата от того же отца».

⁴ «...ὀπιέθαι δὲ δωδεκαετία εἴ πρεῖγονα» – «...она должна выйти замуж в возрасте двенадцати лет и старше».

⁵ «...ὀλε... δὲ κ' ἂ πατρ[οῖ]όκος μεῖ ἰόντος ἐπιβάλλοντος μεδ' ὀργανοδικαστῶν παρ τῆι μητρί τράλεται, τὸν πατέρα καὶ τὸν μητέρα τὸν ἐγραμμένον τὰ κρεμάτα καὶ τὰν ἐπικαρπίαν ἀρτέν ὄλαι κα (νύ)νανται κάλλιστα, πρὶν κ' ὀπιέται» – «...а если наследница, не имея избранного жениха или судей по делам сирот, воспитывается вместе со своей матерью, то назначенные родственники по отцовской и материнской линии, распоряжаются ее имуществом до тех пор, пока она не выйдет замуж».

⁶ «Τὰμ πα[τρ]οῖ[ο]κὸν ὀπιέ(θ)θαι ἀδελφοῖ τὸ πατρός τὸν ἰόντων τοῖ πρεῖγ[ι]στοῖ. αἱ δὲ κα πλῆς πατροῖόκοι ἴοντι κάδελφι[ο] τὸ πατρός, [τ]οῖ ἐππρεῖγῖστοῖ ὀπιέ(θ)θαι» – «Наследница должна выйти замуж за брата своего отца, самого старшего из ныне живущих, а если будут еще наследницы и братья ее отца, то они должны выйти замуж за следующего по старшинству».

в отношении раздела имущества, поскольку они получали все имущество, а не меньшую часть.

Более того, вопрос с наследованием всего имущества дочерьми-наследницами представляется наиболее вероятным в связи с возможным стремлением к сохранению имущества внутри семьи. Вопрос же о возможностях распоряжения имуществом, которое наследницы получили от отцов, остается нерешенным до сих пор: если сам факт наследования всего имущества подтвержден в источниках, то относительно распоряжения этим имуществом однозначных положений нет.

Достаточно четко отражают положение женщин также законодательные акты гортинских законов, посвященных бракоразводным процессам. Так, например, в случае брака между свободными полноправными гражданами, отец или брат (в случае смерти отца) отдает женщину замуж за мужчину, которого выбрал сам. Чаще всего в таком случае женщина должна была выйти замуж за двоюродного брата отца, то есть дядю, а при отсутствии такового – за ближайшего родственника со стороны отца [16]. Таким образом, свободная женщина гражданского происхождения должна была в первую очередь обязательно выйти замуж, а во вторых – она не могла принимать решение в данном вопросе.

Крайне интересными также представляются смешанные браки – между лично свободными и лично зависимыми. Как уже отмечалось ранее, правом вступать в такой брак обладали только свободные женщины-гражданки. Это подтверждается прежде всего статьей гортинских законов, содержащей информацию о детях от браков между свободным полноправным гражданином и рабом, в которой определяется их статус. Отмечается, что дети получают статус свободных полноправных граждан только в том случае, если раб будет инициатором брака со свободной полноправной женщиной, в противном случае дети будут рабами.

Исходя из упомянутой статьи, мы можем заключить, что женщины могли сами решать не только то, за кого выходить замуж независимо от социального статуса будущего мужа, но и то, от кого рожать детей. Вследствие того, что данное положение было выставлено на одной из главных площадей, можно предположить, что практика, когда свободная гражданка по собственной инициативе выходила замуж за раба и рожала от него несвободных детей, носила периодический характер. А если данная практика была распространенной, то это значит, что семья свободной женщины должна была принимать раба как равноправного члена своей семьи в обоих случаях.

Высказывалось мнение, что женщины, которые сделали такой выбор, были теми самыми *πατριοῦκοι* [16, с. 343], единственными дочерьми и наследницами всего отцовского имущества. Однако с данной точкой зрения по этому вопросу сложно согласиться, поскольку, как уже было указано ранее, дочери-наследницы были обязаны выходить замуж за родственников и рожать законных наследников. Только в случае развода и после рождения законных наследников *πατριοῦκοι* могли выбирать следующего мужа самостоятельно, если того хотели.

Более убедительным представляется предположение о существовании семейных средств правовой защиты или урегулирования, которые могли применяться в случаях изнасилования, соблазнения или прелюбодеяния вместо судебных процессов [12]. Таким образом семьи виновного и жертвы могли вступать

в переговоры и принимать решения, не обращаясь к формальным правовым институтам. В данном случае судьба человека, нарушившего закон, определялась членами его семьи и семьи жертвы. При этом вопросы об изнасиловании, прелюбодеянии и соблазнении часто могли быть решены путем заключения брака. Из этого следует, что сама возможность ситуации, когда женщина самостоятельно принимала решение выйти замуж за раба и рожать от него несвободных детей, носит весьма сомнительный характер. Более вероятным нам представляется влияние членов семей и устных законов на решения свободных женщин.

Кроме того, очевидно, что браки между свободными гражданками и рабами негативно отражались и на хозяйстве владельца раба. Согласно этой статье гортинских законов, раб самостоятельно принимал решение уйти от своего хозяина и жениться на свободной женщине. Данное обстоятельство тоже представляется невозможным, ведь из законов ясно, что хозяин распоряжался рабом, поскольку рабы – часть его хозяйства, его имущество. Хозяин раба нес полную ответственность за него и его действия, а также был обязан, например, принимать в доме его детей и платить за него штрафы. В связи с этим выгода хозяина в добровольном освобождении своего раба представляется нереалистичной. Более вероятным мотивом здесь можно считать стремление к экономии.

В гортинских законах четко отражены размеры штрафов за сексуальные преступления. Так, если свободная женщина стала жертвой сексуального преступления со стороны раба, раб должен был заплатить штраф в двойном размере, что было слишком много, особенно для раба. Учитывая, что хозяин нес ответственность за действия своего раба, для него было выгоднее избежать судебного процесса.

Не менее разработанными в гортинских законах являются статьи, касающиеся разводов, которые весьма строго регулируются законодательством независимо от их причины: в качестве последней могли выступать желание супругов, смерть одного из них или принудительное разлучение представителей зависимого класса. Связано это с тем, что бракоразводные процессы в целом связаны с имущественными правоотношениями. Во всех случаях законы отражают то, что ни женщины, ни наследники мужского пола не должны брать больше назначенной им в законах доли имущества.

В первую очередь нужно выделить положения, касающиеся развода по желанию супругов. В законах отмечается, что в случае развода у жены должно остаться имущество, с которым она пришла к мужу, а также она должна получить половину имущества, совместно нажитого в браке с ее собственности. Кроме того, важной представляется статья, указывающая на то, что женщины должны были получить компенсацию в виде определенной суммы, если развод произошел по вине мужа.

Примечательны и статьи гортинских законов о том, что женщина в случае развода должна получить половину произведенной продукции, то есть того, что она изготовила или соткала; это указывает на то, что женщины вполне могли заниматься торговлей и увеличивать таким образом свое имущество.

В случае если развод происходит по причине смерти мужа, то при наличии детей – законных наследников – женщине возвращается имущество, с которым она пришла к мужу, а также то, что дал ей муж в присутствии трех свидетелей. И если она пожелает, она может с этой собственностью вступить в другой брак.

При отсутствии детей применялись те же условия, которые были описаны в первом случае, при этом от женщины требовалось родить законных наследников.

Таким образом, исходя из рассмотренных статей гортинских законов, мы можем увидеть, что женщины приобретали расширенные права только после рождения законных наследников. Несмотря на то что основная роль женщин в гортинском обществе, как и повсеместно в античной Греции, заключалась в репродуктивной функции, мы можем рассматривать положение женщин в двух аспектах. Во-первых, это статус женщин как родителей, а во-вторых – статус женщин как держателей имущества [14]. В обоих случаях очевидно весьма несвободное положение женщин в целом, независимо от уровня личной свободы и правовых возможностей.

Говоря о положении женщин-родителей, мы можем выявить зависимость их от мужчин, в первую очередь от отца детей, а затем от хозяина, если женщина имела зависимый статус. Так, в случае беременности или рождения внебрачного ребенка, она должна была оповестить об этом отца ребенка, который, в свою очередь, должен был либо принять его как законного наследника, либо отречься. В последнем случае ребенок мог остаться на воспитании матери и ее семьи, либо его должен был воспитывать хозяин матери ребенка.

Положение женщин-держателей имущества также было сопряжено с некоторыми обязательствами. Во-первых – независимо от статуса – они должны были родить законных наследников либо от назначенных женихов, в роли которых часто выступали ближайшие родственники отца, если таковые имелись, либо от женихов, избранных женщинами или их семьей. Во-вторых, после рождения законных наследников они обязаны были передать свое имущество в распоряжение законным наследникам. Речь здесь идет именно о рождении наследников, поскольку, как было рассмотрено ранее, усыновлять женщинам не позволялось.

Говоря о доле имущества, которую женщина могла унаследовать, можно отметить, что она могла получить либо меньшую в сравнении с братьями часть имущества, либо – при наличии статуса дочери-наследницы – получала все имущество. После рождения законных наследников женщина переставала в полной мере распоряжаться полученным имуществом, то есть не могла его продавать или закладывать – так же, как и отцовское имущество, которым она не могла управлять.

Таким образом, рассмотрев законодательные акты гортинских законов, касающихся семейно-имущественных правоотношений, мы можем заметить изменение положения гортинских женщин в целом. В процессе развития гортинские законы дополнялись статьями скорее ограничивающими их правовые возможности. Ограничения прослеживаются прежде всего в статьях, которые устанавливают для женщин нормы, например, в случае наследования имущества или получения подарков от отца или мужа. Степень разработанности законов с такими нормами говорит о том, что, по всей видимости, в VII в., когда гортинские законы только начинали оформляться, подобные статьи не были актуальными (даже с учетом возможности существования и уровня влияния устных законов в Гортине). Это также может указывать на вероятность того, что еще в VII в. свободные женщины и свободные мужчины были приблизительно равны. Если такие законы появились только с течением времени, то это отражает именно процесс ограничения статуса и возможностей свободных женщин, а не расширение прав мужчин.

Источники

ГЗ – Part Two. Text and translation // Willetts R.F. The Law Code of Gortyn. – Berlin: W. de Gruyter, 1967. – P. 37–79.

Литература

1. *Синицин В.Г.* Петроглиф из Гортины, его происхождение и место в системе источников античного права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 84–97. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.84-97.
2. *Halbherr F.* Cretan Expedition III. Epigraphical Researches in Gortyna // Am. J. Archaeol. – 1897. – V. 1, No 3. – P. 159–241. – doi: 10.2307/496622.
3. *Bernhöft F.* Die inschrift von Gortyn. – Stuttgart: F. Enke, 1886. – 52 S.
4. *Мирошников С.В.* Гортинские законы // Зап. Имп. Рус. Археол. О-ва. – СПб., 1888. – Т. 3. – С. 317–340.
5. *Guarducci M.* Inscriptiones Creticae. Tituli Gortynii: in 4 v. – Roma: Libreria dello Stato, 1950. – V. IV. – 455 p.
6. *Willetts R.F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. – London: Routledge and Kegan Paul, 1955. – 302 p.
7. *Willetts R.F.* The Law Code of Gortyn (Kadmos, Supplement 1). – Berlin: W. de Gruyter, 1967. – vii, 90 p.
8. *Казманова Л.Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V – IV вв. до н. э. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 191 с.
9. *Gagarin M.* Writing Greek Law. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – 296 p.
10. *Gagarin M.* Serfs and slaves at Gortyn // Z. Savigny-Stift. Rechtsgesch.: Romanistische Abt. – 1997. – V. 127. – P. 14–31.
11. *Kristensen K.R.* Codification, tradition and innovation in the law code of Gortyn // Rivista di storia del diritto greco ed ellenistico. – 2004. – V. 7. – P. 134–168.
12. *Scafuro A.C.* Greek sexual offences and their remedies: Honor and the primacy of family // Structures of Power: Law and Gender across the Ancient Near East and beyond. – Chicago: The Orient. Inst., 2015. – No 12. – P. 41–59.
13. *Bresson A.* Women and inheritance in Ancient Sparta: The Gortynian connection // Studi Ellenistici. – 2016. – V. 30. – P. 9–68.
14. *Lajeunesse M.* La mère dans le Code de Gortyne: reconnue juridiquement, mais pas autonome pour autant // Anthropologie et Histoire des Mondes Antiques. – 2015. – V. 6. – P. 1–25. – doi: 10.4000/mondesanciens.1367.
15. *Link S.* “... but no more!” female inheritance in Cretan Gortyn // Women and Property in Ancient Near Eastern and Mediterranean Societies. – Washington: Cent. Hell. Stud., 2005. – P. 1–17.
16. *Cantarella E.* Greek law and the family // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds. – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 331–345.

Поступила в редакцию
15.03.2021

Почернина Анна Александровна, аспирант кафедры археологии и всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: a.a.pochernina@gmail.com

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.116-125

The Position of Women in the Society of Gortyna (7th–5th Centuries B.C.)

A.A. Pochernina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: a.a.pochernina@gmail.com

Received March 15, 2021

Abstract

The paper is devoted to the status of women in the society of Gortyna during the period from the 7th to the 5th centuries B.C. Owing to the growing popularity of the gender approach, this problem is thought to be of particular research interest. It is often believed that the Cretan society was matriarchal, because the women of Crete, Gortyna in particular, enjoyed their full rights. In order to verify this hypothesis, the laws of Gortyna that shed light on the social position of women among other important issues were thoroughly investigated. As a result of the analysis of the sections concerning the family and property relations in Gortyna, it was found that the above-said hypothesis does not apply to the society of Crete and Gortyna in the 7th–5th centuries B.C. It was revealed that men and women in Gortyna had different rights. Changes in this situation were traced. The general history of research on the laws of Gortyna and the position of women over the period under consideration was reconstructed.

Keywords: Crete, Gortyna, ancient law, archaic laws, laws of Gortyna, ancient society, social structure, ancient family law, ancient property law

References

1. Sinitsyn V.G. Petroglyph from Gortyna, its origin and place in the system of ancient law sources. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 84–97. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.84-97. (In Russian)
2. Halbherr F. Cretan expedition III. Epigraphical researches in Gortyna. *American Journal of Archaeology*, 1897, vol. 1, no. 3, pp. 159–241. doi: 10.2307/496622.
3. Bernhöft F. *Die Inschrift von Gortyn*. Stuttgart, F. Enke, 1886. 52 S. (In German)
4. Miroshnikov S.V. Gortyn code. *Zapiski Imperatorskogo Arkheologicheskogo Obshchestva*, 1888, vol. 3, pp. 317–340. (In Russian)
5. Guarducci M. *Inscriptiones Creticae. Tituli Gortynii*. Vol. IV. Roma, Libreria dello Stato, 1950. 455 p. (In Corsican)
6. Willetts R.F. *Aristocratic Society in Ancient Crete*. London, Routledge and Kegan Paul, 1955. 302 p.
7. Willetts R.F. *The Law Code of Gortyn (Kadmos, Supplement 1)*. Berlin, W. de Gruyter, 1967. vii, 90 p.
8. Kazamanova L.N. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Krita V – IV vv. do n. e.* [Essays on the Socio-Economic History of Crete in the 5th–4th Centuries B.C.]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1964. 191 p. (In Russian)
9. Gagarin M. *Writing Greek Law*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008. 296 p.
10. Gagarin M. Serfs and slaves at Gortyn. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*, 1997, vol. 127, pp. 14–31.
11. Kristensen K.R. Codification, tradition and innovation in the law code of Gortyn. *Rivista di storia del diritto greco ed ellenistico*, 2004, vol. 7, pp. 134–168.

12. Scafuro A.C. Greek sexual offences and their remedies: Honor and the primacy of family. In: *Structures of Power: Law and Gender across the Ancient Near East and beyond*. Chicago, The Orient. Inst., 2015, no. 12, pp. 41–59.
13. Bresson A. Women and inheritance in Ancient Sparta: The Gortynian connection. *Studi Ellenistici*, 2016, vol. 30, pp. 9–68.
14. Lajeunesse M. La mère dans le Code de Gortyne: reconnue juridiquement, mais pas autonome pour autant. *Anthropologie et Histoire des Mondes Antiques*, 2015, vol. 6, pp. 1–25. doi: 10.4000/mondesanciens.1367. (In French)
15. Link S. “... but no more!” female inheritance in Cretan Gortyn. In: *Women and Property in Ancient Near Eastern and Mediterranean Societies*. Washington, Cent. Hell. Stud., 2005, pp. 1–17.
16. Cantarella E. Greek law and the family. In: *A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds*. New Jersey, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 331–345.

⟨ **Для цитирования:** Почернина А.А. Положение женщин в гортинском обществе (VII – V века до н. э.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 3. – С. 116–125. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.116-125. ⟩

⟨ **For citation:** Pochernina A.A. The position of women in the society of Gortyna (7th–5th centuries B.C.). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 3, pp. 116–125. doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.116-125. (In Russian) ⟩